

Пекарня
на краю
драконьего тракта

Tina Rayder

Пекарня на краю драконьего тракта

<https://litres.ru/74232459>

SelfPub; 2026

Аннотация

На краю драконьего тракта стоит маленькая пекарня, куда заходят путники, наемники, торговцы и те, кому больше некуда идти.

Ее хозяйка умеет печь хлеб так, что даже самый хмурый день становится теплее. Она привыкла быть нужной, заботиться, кормить, выслушивать — и давно забыла, что о ней самой тоже можно заботиться.

Однажды на пороге появляется мрачный незнакомец. Он просит хлеб без соли и не задавать лишних вопросов. Он опасен, замкнут и явно скрывает не одну тайну. А еще он слишком часто возвращается — будто пекарня стала для него единственным местом, где можно просто дышать.

Она не собиралась влюбляться в дракона.

Он не собирался доверять человеку.

Но иногда судьба пахнет свежим хлебом, теплой корицей и домом, который находишь там, где меньше всего ожидал.

Содержание

Хлеб без соли. Вопросы без ответа.	4
Мужчина, который боялся теста	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Tina Jay Rayder

Пекарня на краю драконьего тракта

Хлеб без соли. Вопросы без ответа.

Пекарня досталась Лине вместе с перекошенной вывеской, тремя мешками муки, долговой книжкой покойной те-тушки и котом, который официально нигде не значился, но вел себя как главный наследник всего этого хозяйства.

Кота звали Пирожок.

Лина пыталась переименовать его в что-нибудь более достойное — например, Филимон или хотя бы Бархат, потому что кот был огромный, дымчатый и с такими важными усами, будто заседал в совете старейшин. Но при попытке назвать его другим именем посмотрел так, словно говорил: “женщина, не осложняйте и без того короткую жизнь”.

Так Пирожок и остался Пирожком.

Пекарня стояла на самом краю городка Рыжий Ключ, там, где заканчивалась брусчатая улица, начинался пыльный тракт и далеко за холмами синели Драконьи горы. По тракту ходили караваны, почтовые фургоны, бродячие лекари, торговцы травами, охотники за редкими минералами, иногда —

магистры из столицы, которые всегда выглядели так, будто мир им обязан.

А еще по этому тракту ходили драконы. Ну как, ходили...

Не каждый день, конечно. Не как почтальоны, по вторникам. Но ходили. Или летали. В человеческом облике, в полудраконьем, иногда высоко в небе — огненной темной тенью над перевалом. В Рыжем Ключе к ним относились с той осторожной привычкой, с какой относятся к грозе: да, страшно-вато, да, лучше закрыть окна, но без гроз земля не напьется водой.

Лина драконов видела всего два раза.

Первый раз — еще девочкой, когда отец возил ее на ярмарку. Тогда над площадью пролетела огромная бронзовая драконица, и все торговцы сразу спрятали соломенные навесы. Зато дети визжали от восторга. Лина тоже визжала, пока мать не закрыла ей рот ладонью и не сказала строго: “Приличные девочки не орут как резанные!”

Второй раз — в день, когда она приехала в Рыжий Ключ принимать наследство.

Высоко над перевалом двигались три черные точки. Небо было вечернее, оранжевое, и казалось, что кто-то медленно ведет по нему обугленным пером. Лина тогда стояла у дверей своей новой пекарни, с дорожной сумкой у ног, с ключом в руке и с таким ощущением, будто жизнь вытолкнула ее из старой жизни, захлопнула дверь за спиной и теперь, посвистывая и хитро подмигивая, показывает на новую.

— Ну? — спросила она у пустой улицы. — И что мне с этим делать?

Пирожок, сидевший на подоконнике с внутренней стороны, зевнул. Правильно, зачем судьбе отвечать тебе, когда для этого есть кот?

Лине было двадцать девять лет, и она впервые в жизни оказалась хозяйкой чего-то своего.

До этого она была дочерью, помощницей, невестой, “нашей Линочкой, которая все понимает”, “девочкой с золотыми руками”, “разумной женщиной”, “не скандалисткой”, “удобной”. В столице, где она жила до Рыжего Ключа, у ее родителей была большая кондитерская. Белые витрины, хрустальные колпаки, пирожные с такими ровными кремовыми завитками, что смотреть на них было тревожно — вдруг испортишь одним дыханием. Лина с шестнадцати лет вставала к тесту, умела делать воздушные слойки, миндальные корзинки, медовые коврижки и сахарные цветы размером с ноготь. Она могла отличить по запаху, перегрелся ли сироп, и по звуку — достаточно ли подошла опара.

А потом отец решил, что ее рецепты станут семейными, жених решил, что ее руки станут его домашним преимуществом, мать решила, что “не стоит портить хорошую партию своим упрямством”, и Лина вдруг поняла: если она останется еще хоть на месяц, ее жизнь окончательно вымесят, раскатают, нарежут ровными кружочками и отправят в печь под чужим названием.

Тетушка Агата умерла очень вовремя.

Это звучало ужасно, и Лина всякий раз мысленно извинялась перед покойной теткой. Но тетка Агата, сколько Лина ее помнила, была женщиной практичной и сказала бы: “Если моя смерть хоть кого-то спасла от дурацкой свадьбы, значит, не зря старалась”.

В завещании значилось: “Пекарню на краю тракта, жилую пристройку, печь, подвал, кота по факту проживания и все, что не успело сгореть, оставить племяннице Элине Кругловой, потому что у девочки руки честные, а глаза злые — пригодится”.

Лина плакала над этим завещанием три минуты.

Потом собрала чемодан, проигнорировала слезы и крики матери, плюнула в ноги напыщенного жениха, кинула ему же бумагу о расторжении помолвки и свалила из города.

Теперь она стояла в пекарне, на столе перед ней лежало тесто для первого рыжеключевского хлеба, за окном начался рассвет, а печь в углу дышала теплом, будто большой кирпичный зверь.

Печь была старой, широкой, с черным чугунным устьем и изразцами цвета меда. На левом боку один изразец треснул, но не рассыпался; по трещине в нем будто застыла тонкая золотая молния. Агата в дневнике написала: “Печь не ругать. Печь с характером. Если дымит — значит, либо труба забилась, либо ты не в настроении. Настроение чинится булочками с корицей, с трубой и сама знаешь что делать”.

Лина прочитала и решила, что тетушка к старости стала странной.

На третий день печь плюнула в нее угольком, когда Лина в сердцах сказала на подгоревшие пирожки: “Да что с тобой не так, кирпичная душа?”

С тех пор Лина ругалась уважительнее. И да, если печь булочки с корицей, настроение неизменно хорошело.

Первый настоящий покупатель пришел вечером, когда в пекарне уже пахло ржаным хлебом, яблочными пирожками и корицей, а сама Лина стояла у прилавка с мукой на локте, на носу и, кажется, где-то в волосах, прикрытых косынкой.

Дверной колокольчик звякнул.

Пирожок поднял голову, посмотрел на вошедшего и не спрыгнул с подоконника. Это было важно. На молочника он спрыгивал. На мальчишек, которые пытались дернуть его за хвост, однажды спрыгнул прямо в лицо, широко расставив когти, после чего мальчишки стали обходить пекарню со страхом и уважением. А тут — только посмотрел.

Вошел мужчина.

Высокий. В темном дорожном плаще, заляпанном грязью по подолу. Волосы черные, чуть выющиеся, мокрые после недавнего дождя, лицо усталое, скуластое, с резкими тенями под глазами. Он выглядел так, будто давно шел, мало спал и еще меньше хотел объяснять, почему выглядит именно так.

— Добрый вечер, — сказала Лина.

— Хлеб есть? — спросил он, не здороваясь.

Голос был низкий, хрипловатый. Не грубый. Просто такой, каким разговаривают люди, у которых внутри долго горел огонь, а потом остался лишь уголь.

— Есть. Ржаной, пшеничный, с травами, с луком, с медовой коркой. Еще пироги, но они прекрасны и поэтому закончатся раньше, чем некоторые люди успеют признать свои ошибки и научиться здороваться.

Он моргнул.

— Мне хлеб без соли. Пожалуйста.

Лина замерла.

— Без соли?

— Да.

— И без радости заодно?

Мужчина посмотрел на нее внимательнее.

— Без вопросов.

— Это уже отдельный заказ, придется подождать. В качестве побочного производства — неумолкающий язык. Потерпите?

Пирожок на подоконнике тихо дернул хвостом.

Мужчина, кажется, не понял, шутит она или нет. Лина и сама не всегда понимала. Особенно к вечеру.

— Хлеб без соли будет утром, — сказала она уже мягче. — Сейчас такого нет. Тесто требует времени. А если очень его торопить, оно обидится и станет кирпичом. Кирпичи я не продаю, город и так ими богат.

— Утром, — повторил он.

— Да.

Он положил на прилавок монету.

Монета была старая. Тяжелая. Темное золото с вытертым крылатым знаком.

Лина посмотрела на монету, потом на мужчину.

— Это слишком много.

— За молчание.

— У нас молчание не продается. Максимум — короткая пауза, и то по большим праздникам.

Он хотел что-то сказать, но вдруг на кухне за ее спиной печь громко щелкнула. Огонь за чугунной дверцей вспыхнул синеватым светом, совсем на миг. Мужчина резко повернул голову.

Лина тоже оглянулась.

— Ну что ты делаешь? — сказала она печи. — Я же про-
сила без пафоса при покупателях.

Когда она снова посмотрела на гостя, он стоял совершенно неподвижно. Только пальцы на краю прилавка побелели.

— Что это? — спросил он.

— Печь.

— Я вижу.

— Тогда вопрос был странный. Философский что ли?
Только они бывают такими странными.

Он медленно перевел взгляд на Лину.

И впервые она заметила его глаза.

Серые. Нет, не серые. Серебристые, если быть честной.

Как холодный пепел, в котором все еще может прятаться жар.

— Утром, — сказал он и вышел.

Колокольчик звякнул.

Лина посмотрела на монету.

Пирожок спрыгнул с подоконника, подошел, понюхал золото и презрительно отвернулся.

— Вот именно, — сказала Лина. — Тоже мне. Хлеб без соли и вопросов. Может, ему еще жизнь без трудностей завернуть?

Печь в углу тихо щелкнула.

— Не начинай, — предупредила Лина. — Ты печешь хлеб-бушек, а не комментируешь мои слова, ладно?

Печь промолчала.

Но огонь внутри горел как-то подозрительно довольно.

Мужчина, который боялся теста

Утром мужчина вернулся.

Ровно через час после открытия, когда первые караванщики уже купили горячие булки с луком, старая Лета из травной лавки забрала два батона “помягче, а то зубы у меня свои только по документам”, а местный мальчишка Тимка попытался выпросить пирожок в долг и получил работу по подметанию крыльца, потому что Лина в долг не давала. Принципиально.

Мужчина вошел так тихо, что колокольчик звякнул уже после него, с явным опозданием, будто тоже засмотрелся на странного гостя.

— Доброе утро, — сказала Лина. — Ваш хлеб готов.

Она достала из корзины небольшой круглый каравай. Без соли. Но с каплей меда, чтобы тесто не было совсем уж похоронным, и с розмарином сверху — потому что Лина не могла выдать человеку уныние в форме хлеба, даже если человек сам просил.

— Здесь есть соль? — спросил он.

— Нет.

— Вы уверены?

— Я пекарь. В хлебе я уверена чаще, чем в людях.

Он взял каравай двумя руками. Осторожно, почти почтительно.

— Спасибо.

— Есть лучше сегодня. Без соли он быстрее черствеет. Как и некоторые сердца.

Он посмотрел на нее.

— Вы всегда так разговариваете с покупателями?

— Нет. Обычно я гораздо хуже. Видимо вы особенный.

На этот раз уголок его рта дрогнул.

Это была не улыбка. Скорее ее дальний родственник, приехавший ненадолго и без багажа. Но Лина заметила.

— Как вас зовут? — спросила она.

Он помолчал.

— Рейн.

— Просто Рейн?

— Просто.

— Удобно. Меня Лина.

Он кивнул.

— Сколько я должен?

— За хлеб — две медяшки. За вчерашнюю драму у прилавка — еще одну. За молчание я, как уже говорила, не беру. Не тот темперамент. А золото заберите. — протянула она ему вчерашнюю монету.

Рейн положил деньги.

Нормальные на этот раз. Не древнее золото с гербом, от которого у любой честной пекарши начиналось любопытство опасной степени вкупе с легкой дрожью.

— Вы живете в городе? — спросила Лина, заворачивая

хлеб.

— Недалеко.

— Это в смысле “три улицы отсюда” или “в соседнем ущелье с волками за перым перевалом”?

— Недалеко, — повторил он.

— Понятно. Разговорчивость у вас как у мокрого мешка, такая же тяжелая.

Он снова почти улыбнулся.

— Я не привык к вопросам.

— А я не привыкла к людям, которые покупают хлеб без соли и выглядят так, будто могут одним взглядом заставить дрожжи покаяться. Признайтесь, вы какой-нибудь... не знаю, наемник? Хотя нет, не похожи.

— Дрожжи ни в чем не виноваты.

— Это вы их плохо знаете.

Пирожок, сидевший на стуле у печи, неожиданно мяукнул.

Рейн посмотрел на кота. Кот посмотрел на Рейна. Между ними произошло безмолвное мужское состязание за право считать себя самым мрачным существом в помещении.

Пирожок выиграл. Он вообще не знал поражений.

— Ваш кот... — начал Рейн.

— Не мой. Он просто живет здесь и позволяет мне работать.

— Разумный выбор.

— Вы понимаете котов?

— Иногда легче, чем людей.

— Тогда у вас с Пирожком будет много общего.

Рейн взял хлеб и ушел.

На следующий день он пришел снова.

И через день.

И еще через день.

Всегда утром. Всегда за хлебом без соли. Иногда покупал травяные лепешки, но только если Лина клялась именем всех приличных противней, что соли там нет. Сначала она просто выполняла заказ. Потом стала экспериментировать: хлеб без соли с медом, хлеб без соли с печеной тыквой, тонкие лепешки с тимьяном, мягкие булочки на молоке. Рейн ел всё, но хвалил как-то странно.

— Терпимо.

— Это у вас комплимент? — спросила Лина.

— Да.

— Сильное признание. Мне теперь лечь в обморок или достаточно присесть?

— Достаточно продолжать печь.

— Рейн, вы когда-нибудь говорили женщине что-нибудь приятное без ощущения, что сдаете военную тайну?

Он задумался.

— Однажды сказал, что у нее хорошо наточен нож.

Лина закрыла глаза.

— Даже не знаю, завидовать ей или вызвать врача.

Он стал приходить не только за хлебом.

Сначала починил ставню, которая хлопала на ветру так, будто имела личную неприязнь к утреннему покою. Лина собиралась сама, но Рейн молча взял лестницу, гвозди и сделал за десять минут то, что она откладывала три дня, потому что “сначала надо составить список необходимых инструментов”.

— Сколько я должна? — спросила она.

— Ничего.

— Так не бывает.

— Бывает.

— Нет. Если человек чинит ставню бесплатно, это либо доброта, либо заговор. Я должна знать, к чему готовиться.

— К тишине, когда ветер.

— Нечестный ответ.

Он пожал плечом.

На другой день он нарубил дрова. Потом помог вынести старую муку из подвала, где мешки отсырели и приобрели характер болотных духов. И такую же вонь. Потом починил задвижку на двери. Потом сидел у окна и чистил яблоки для начинки так аккуратно, будто занимался древним ритуалом, а не держал нож в руках.

Лина привыкла к нему неожиданно быстро.

Сначала это было неудобно. Она не планировала привыкать к людям. Люди имели неприятное свойство сначала становиться нужными, а потом либо требовать слишком много, либо уходить, либо открываться с худшей стороны. После

столицы, после семьи, после бывшего жениха с улыбкой доброго кредитора Лина решила, что лучшими соседями будут печь, кот и мешки с мукой.

Мешки с мукой, по крайней мере, не говорили: “Ты же понимаешь, дорогая, это для твоего же будущего”.

Но Рейн ничего не требовал.

Это настораживало сильнее всего.

Он мог весь вечер молча латать навес над задним двором, потом съесть два пирожка, сказать “слишком сладко”, взять третий и уйти. Мог прийти до рассвета, если видел, что на трубе намерз лед. Мог стоять у печи и смотреть на огонь так, будто тот был старым другом, с которым они давно поссорились.

Однажды Лина не выдержала.

— Вы боитесь печи?

Рейн, который как раз ставил в угол мешок с мукой, замер.

— Нет.

— Врете плохо.

— Я не боюсь печи.

— Тогда чего вы смотрите на нее как на бывшую невесту, которая пришла на вашу свадьбу с топором?

Он медленно повернулся к ней.

— У вас странные сравнения.

— У меня богатая личная история.

— Печь необычная.

— Это мягко сказано. Она плюется углями, обижается на

грубость и один раз, клянусь, испекла булки быстрее только потому, что я пообещала ей новые ухваты.

Рейн подошел ближе к печи. Огонь за дверцей горел ровно, золотисто. На треснувшем изразце тонкая линия поблескивала, как живая.

— В ней есть драконий камень, — сказал он тихо.

Лина вытерла руки о фартук.

— Простите?

— Сердечный камень. Очень старый. Когда-то драконы отдавали такие людям, которым доверяли. Он держит ровное тепло, если с ним обращаться бережно.

— Тетушка писала “печь с характером”.

— Это тоже верно.

— Откуда вы знаете?

Он отвел взгляд.

— Слышал.

— От кого?

— От тех, кто помнит.

— Рейн.

— Лина.

Он сказал ее имя впервые.

Просто имя. Без фамильярности, без попытки заткнуть и даже без ласки какой-нибудь. Но у нее почему-то на секунду потеплело где-то под ребрами.

Пирожок с подоконника уронил деревянную ложку.

Лина вздрогнула.

— Спасибо, кот, — сказала она. — Ты очень вовремя. Рейн, нельзя так смотреть на девушку, она и влюбиться ненароком может. Ну, может быть. Секунды на две.

Рейн кашлянул.

Похоже, он пытался не рассмеяться.

— Вот, — сказала Лина, указывая на него ложкой. — Вы умеете. Просто скрываете.

— Что умею?

— Смеяться.

— Иногда.

— Надо чаще. У вас лицо становится менее похоронным.

— Похоронным?

— Да. Красивым, но таким каменным, будто на нем кто-то арендовал место под семейный склеп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.